

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. С. ОРЛОВА

О МЕСТЕ И РОЛИ ТРАДИЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ АФРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Огромный континент Африки населен многочисленными народами, отличающимися друг от друга языками, обычаями, верованиями, различными проявлениями материальной культуры, наконец — уровнем развития духовной культуры и общественных отношений. Нельзя поэтому говорить об африканском обществе как о чем-то едином. Нельзя говорить и о роли вождей в африканском обществе вообще. Следует выделить группы народов, у которых институт вождей развивался в сходных условиях. Наличие этих условий связано с тремя факторами: 1) с уровнем общественного и культурного развития народов до проникновения европейцев; 2) со степенью губительного влияния европейской работорговли; 3) со спецификой системы колониального управления, оказавшей огромное влияние на общественное развитие народов Африки в колониальный период. Чтобы понять роль вождей в общественном строе современной Африки, необходимо учитывать эти исторические факторы.

Многие буржуазные ученые отрицают наличие в Африке феодальных отношений. Другие отмечают эти отношения, но приписывают их появление сознательной политике колониальных властей. Нам представляется, что африканские народы развивались тем же путем, что и народы всего мира, а колонизаторы опирались на уже сложившийся или складывавшийся феодальный уклад. Мы не можем здесь подробно остановиться на своеобразии и формах процесса развития феодальных отношений у африканских народов. Отметим лишь в этой связи необычно прочное бытование до сегодняшнего дня многих общественных институтов ведущих происхождение от родо-племенного общества.

XV век для многих районов Африки был временем расцвета больших и могущественных средневековых государств, высокой и своеобразной в своих проявлениях культуры. Создание средневековых африканских государств восходит к VIII—X вв. н. э. Мы еще недостаточно знаем историю африканского средневековья, однако можем наметить важнейшие средневековые государства и те большие районы, которые они охватывали. Это прежде всего великие империи степной полосы Западного Судана: Гана (IX—XIII вв.), центр которой находился к северу от междуречья Сенегала — Нигера; Мали (XIII—XV вв.), земли которого покрывали территории современных Гвинеи, Нигера, Сенегала, Мавритании и др.; наконец, Сонгаи (XV—XVII вв.), территория которых простиралась от северных границ Сахары до границ государств Моси на юге и от порогов Бусы на Нигере на востоке до р. Сенегал на западе. К югу от государства Сонгаи сложились княжества Моси (на территории современной Верхней Вольты). Далее к востоку на территории

современной северо-западной Нигерии к IX в. сложились города-государства хауса. К северу и к западу от оз. Чад простирались земли государства Канем-Борну; к юго-востоку от озера на территории Северного Камеруна и б. французской Экваториальной Африки лежала так называемая империя Сао — государство, история которого почти не известна. Падение империи Сао привело к образованию ряда новых народов. К XVI в. в Северном Камеруне возник султанат Мандара. На протяжении X—XVII в. весь степной пояс Западного Судана был покрыт цепью государств и являлся ареной больших и сложных исторических событий. Районы древней государственности охватывают территории расселения таких народов Западного Судана, как фульбе, мандинго (бамбара, малинке, диула), моси, сонгаи, хауса, канури, котоко.

Второй район древней государственности сложился на Гвинейском побережье. Сильные города-государства к XV в. существовали здесь лишь в стране йоруба, населяющих ныне западные провинции современной Нигерии. Что касается остального побережья, вернее, широкой полосы, примыкающей к Гвинейскому побережью, населенной близкими по культуре народами так называемой гвинейской группы, то здесь европейцы застали небольшие государственные образования, названия которых до нас чаще всего не дошли. Из них наиболее известны государства Ардра и Вида на юге современных Того и Дагомеи. На основе небольших государственных образований сложились позднее (к XVII—XVIII вв.) и очень быстро достигли поразительного расцвета такие государства, как Дагомея и Ашанти (южные районы современной Ганы).

Третий район древней государственности — южная (главным образом степная) часть бассейна р. Конго. В XIV—XV вв. здесь сложилось могущественное государство Конго, доходившее на востоке до современного города Леопольдвилья и объединявшее на началах вассальной зависимости ряд небольших государств на территории современной Северной Анголы, Кабинды и Южного Габона.

В глубинных районах в это время шел процесс образования двух больших государств — Мвато-Ямво, или царства Лунда (у истоков рек Кванго — Кванзы — Касаи) у народа того же названия, и государства Луба, ядром которого был народ балуба. Границы последнего простирались от р. Санкуру на западе, до оз. Танганьика на востоке. Существовал еще ряд менее значительных государств, как царство Уруа, Бушонго, образовавшееся у народа бакуба в междуречье Касаи — Санкуру около X в., и др. Расцвет Мвато-Ямво и Луба падает на XVII—XVIII вв.

Четвертый район, где истоки государственности восходят к X в., а может быть, и к еще более ранним временам, — Межозерье, где к XIV в. существовало несколько государств, гегемонами среди которых на севере было государство Китара, на юго-западе — Урунди. Позже, с XVII—XIX вв. гегемония на севере Межозерья перешла к государству Буганда, на юго-западе — к государству Руанда на восточных берегах оз. Киву. Это область расселения народов баньоро, баганда, баньянголе, баторо, баха, бахайа, баньяруанда и барунди; она включает большую часть современной Уганды, часть западной провинции Танганьики, Руанда-Урунди и примыкающие округа б. Бельгийского Конго.

Наконец, пятый район древней государственности — современная Южная Родезия и Южный Мозамбик, где в XII—XV вв. достигло расцвета государство Мономотапа, о котором нам почти ничего неизвестно. Этот район является единственной областью Африки, где падение государства сопровождалось почти полным забвением исторических событий, связанных с его существованием, исчезновением следов государственности и общественных отношений, на основе которых эта государствен-

ность возникла. В остальных областях государства и государственные образования, возникавшие здесь в процессе исторического развития, дожили до начала колониального раздела. Всюду, где существовали государства, их образование было связано с консолидацией, объединением родственных народов в большие монолитные этнические массивы. Всюду в этих районах мы находим народы с высокой своеобразной культурой и яркой памятью об историческом прошлом.

Среди советских и зарубежных историков нет единства в оценке сущности общественного устройства африканских государств. Я склоняюсь к выводу о развитии феодальных отношений на развалинах общинно-родового строя в большей части государств Тропической Африки. Эта точка зрения не разделяется многими учеными и нуждается еще в очень серьезной аргументации. Но в данном случае нас интересует не то, какая именно общественно-экономическая формация сложилась здесь, а тот факт, что на огромных территориях Африки первобытно-общинный строй давно уступил место классовому обществу. Характерной особенностью этого общества повсюду в Тропической Африке была необычайная живучесть пережитков родо-племенного строя: сохранение памяти о родо-племенной структуре, сохранение некоторых форм этой древней организации, хотя и наполнившихся иным содержанием и выполнявших новые функции в условиях классового общества.

Повсюду в Африке, где сложились государства, племя как форма политической и общественной организации исчезло, сохранилось лишь сознание, часто туманное, принадлежности к какой-то широкой группе людей, связанных общностью происхождения и общим названием. Вождь племени уступил место главе государства. В период становления государственности в Африке глава государства, как правило, выдвигается из племенной аристократии и на первых порах тесно с ней связан. Однако с тех пор прошли столетия, и даже самые ранние путешественники-европейцы нигде в этих районах не нашли «вождей». Введение в обращение и употребление термина «вождь» по отношению к районам, о которых идет речь,— либо ошибка, основанная на недоразумении, либо политика в основе которой лежит попытка оживить пережитки родо-племенные: отношений, оживить родо-племенное сознание, воскресить древнюю общественную и политическую организацию, подвести под одну мерку народы Африки, ушедшие вперед, и народы, задержавшиеся в развитии. Введением и употреблением этого термина часто мы обязаны колониальной администрации, а не самим африканцам. Повторяю, речь идет о районах древней государственности.

За пределами очерченных нами районов лежали обширные области Африки, где в силу конкретных исторических, экономических и других причин к XV в. народы стояли на различных ступенях разложения родо-племенного строя. Это области, где народы задержались в своем развитии. Несмотря на обширность этих районов, едва ли можно говорить что именно они определили общий культурный облик и уровень развития народов Африки. Как правило, это были земли с очень малой плотностью населения, уступавшие по общей численности жителей областям древней государственности. Области, где население отстало в своем развитии, охватывали среднюю полосу Западного Судана (между государствами степной полосы и государствами Гвинейского побережья) от Атлантического побережья до плато Баучи в Северной Нигерии и до Мандара в Северном Камеруне, всю северную часть бассейна р. Конго включая б. Убанги-Шари, часть Габона, Португальскую Гвинею, север б. Бельгийского Конго (к северу от рек Касаи — Санкуру), верховья Нила (южные провинции республики Судан), почти всю восточную Тропическую Африку и почти всю Южную Африку. Однако и эти области с точки зрения уровня общественного развития, не представляли собой единства. Если многие народы Восточной и Юго-восточной Африки ушли

далеко по пути становления классового общества, то пигмеи тропических лесов в глубинных районах бассейна Конго и бушмены в пустынных районах Южной Африки стояли на одной из самых ранних ступеней развития человеческого общества. Итак, в XV в. лишь часть Африки жила в условиях первобытно-общинного строя. Лишь в применении к этой части Африки и только для этого времени мы можем говорить о вождях племен.

Наше представление о вожде обычно неразрывно связано с представлением об очень ранней общественной организации человечества, в основе которой лежат принципы кровнородственной близости и первобытной демократии. Вожди, возглавляющие восходящие звенья родо-племенной организации, — вождь подразделения рода, вождь рода, вождь племени, вождь союза племен — всего лишь первые среди равных, они возглавляют народ и руководят им, следуя воле народа (народного собрания), они составляют с ним единое целое; они могут быть смещены в любое время по воле народа. Такова классическая форма организации развитого общинно-родового общества, описанная Морганом на примере союза ирокезов.

Таких классических форм европейцы почти нигде не застали на побережье Африки в XV в. Проникая в глубинные районы, а это проникновение продолжалось четыре с лишним века, европейцы убеждались в том, что и здесь они застают общественные отношения, далекие от первобытной демократии. Характерными особенностями этих отношений были следующие: очень далеко зашедшее имущественное неравенство, развитый торговый обмен, связывавший очень отдаленные области Африки (например, Гвинейское побережье и район Катанги), домашнее рабство, сильная власть (подчас деспотическая) наследственного (это очень важно) вождя, первые формы эксплуатации соплеменников, попытки (не везде) превратить традиционные «подношения» вождям в фиксированные подати, возникновение небольших территориальных объединений. Все это свидетельствует о том, что уже в момент первого знакомства с европейцами у большинства африканских народов (так называемых отсталых районов) общинно-родовой строй находился в состоянии разложения, шел процесс становления классового общества. Именно в это время (XVI—XVIII вв.) жизнь и развитие африканских народов были деформированы европейской работорговлей.

Последствия работорговли для Африки в целом были губительными, особенно для небольших и отсталых в развитии народов Тропической Африки и средней полосы Судана. Многие из них были физически уничтожены. Работорговля дала толчок огромному передвижению и перемешиванию народов Тропической Африки. Эти передвижения сопровождались общей деградацией культурного уровня, упадком хозяйства, распадом сложившихся общественных связей, дроблением этнических общностей и племен и другими тяжелыми последствиями. Мне кажется вероятным, что работорговля явилась одной из причин упадка средневековых государств степной полосы Западного Судана. Работорговля помешала дальнейшей консолидации государств внутренних областей бассейна Конго. Несомненно также, что повсюду в Африке работорговля привела к позднему и очень бурному развитию рабовладельческого уклада. В то же время активное участие в европейской работорговле дало толчок быстрому выдвигению и развитию ряда государств Гвинейского побережья и арабских поселений на восточном побережье Африки. Одним из наиболее важных последствий работорговли, на мой взгляд, являлось значительное разрушение родо-племенной организации у ряда отсталых народов Африки. Жестоким и мучительным для африканских народов путем работорговля дала толчок развитию классовых отношений в самых отсталых уголках Африки. Работорговля в то же время служила огромным препятствием созданию государственности, искус-

ственно поддерживая обстановку анархии и территориальной раздробленности. Ко времени империалистического захвата Африки — к середине XIX в. — едва ли можно говорить о существовании родо-племенного строя как определенной формы простейшей общественной организации у подавляющего большинства народов Африки. Основы родо-племенной организации были подорваны, на смену ей пришли иные связи и объединения, основанные на территориальном признаке, а не на принципе кровнородственных отношений. Эти территориальные объединения были крайне малы, часто охватывая одну — две — четыре деревни или поселения. Работорговля и европейская колонизация (на раннем этапе ее, в Западной Тропической Африке, например) привели к распаду древних государственных образований. Африка, измученная работорговлей, обескровленная, раздробленная на бесчисленное количество мелких и мельчайших территориальных объединений, не могла противостоять европейским армиям, хотя во многих районах африканские народы оказывали ожесточенное сопротивление колонизаторам, и колониальные войны затянулись на столетия. Работорговля — один из важнейших факторов, подготовивших колониальный раздел Африки.

К началу XX в. территория Африки была поделена между колониальными державами; при этом львиная доля досталась Англии, Франции и Бельгии. Задачи управления огромными территориями ставили перед колониальными державами очень сложные проблемы. Важнейшая из них — найти опору в самом африканском обществе. В решении этих проблем наметилось два пути, возникли две системы колониальной администрации. Французские власти пошли по линии разрушения тех государственных и родо-племенных объединений, которые они застали в захваченных ими владениях. Наследственные представители традиционной власти, пользующиеся огромным авторитетом у подвластного населения, как правило, были смещены, а если они участвовали в активном сопротивлении колонизаторам — уничтожены. Страна была разделена на административные округа и кантоны; каждый кантон объединял несколько деревень. Во главе этих новых территориальных единиц (главным образом низших — кантонов и деревень) были поставлены власти из местного населения, так называемые «вожди». Это «вожди», назначаемые и смещаемые колониальными властями, переводимые из одного округа в другой, были чиновниками колониального аппарата, не связанными с населением и чуждыми ему. На то время, пока эти вожди были у власти (продолжительность его зависела от степени преданности и безусловного подчинения вождя колониальной администрации), они получали в свои руки определенную совокупность прав по отношению к подчиненным. Эти права ставили вождей-чиновников высоко над подвластным населением и давали возможность эксплуатировать его. Мне кажется, тот факт, что власть вождей-чиновников была навязана населению сверху и что она была временной, не может и не должен скрывать от нас чисто феодальный характер этой власти.

Колониальная администрация ввела строгую градацию должностей, разделив всех вождей на так называемые классы. В соответствии «классом» вождь получал вознаграждение за службу, как любой правительственный чиновник, с той разницей, что вознаграждение это было очень невелико по размерам. Вышшим постом для вождя-чиновника был пост кантонального вождя. Кантональный вождь ведал рекрутским набором и набором (принудительным и полупринудительным) рабочей силы на европейские предприятия и работы общественного значения: он собирал налоги с населения и отвечал за их своевременное поступление, следил за обработкой площадей под обязательные культуры и отвечал за доставку сырья, распределял повинности между деревнями; он был связующим звеном между французским комендантом округа и местным населением. Опираясь на колониальный аппарат, вождь имел во

возможность значительно увеличивать свои доходы, незаконно повышая налоги, получая взятки за освобождение от принудительных работ и пр. Вожди нередко получали от общин участки земли во временное пользование (на срок его полномочий). Эти участки обрабатывались трудом подвластного крестьянства. Администрация смотрела сквозь пальцы на эти злоупотребления. Свою власть вожди использовали для сосредоточения в своих руках земельных угодий. Несмотря на существование коллективных прав общины и формальное отсутствие частной собственности на землю, в большинстве районов б. французской Африки земля превратилась в наследственное владение отдельных семей (больших и малых), закладывалась и пр. Существовало множество путей, позволявших обходить традиционный запрет продажи земли (бессрочный залог, продажа деревьев, построек на земле и пр.) и облегчавших сосредоточение земли в руках деревенской верхушки, и в первую очередь в руках вождей. Среди вождей-чиновников было немало крупных землевладельцев, которые использовали на своей земле принудительный труд крестьян¹. Таковы факты, позволяющие считать вождей-чиновников французских колоний носителями феодального уклада. Чуждые народу, раболепствующие перед властями, безжалостно обиравшие и эксплуатирующие подчиненных, вожди-чиновники вызывали всеобщую ненависть и страх, поскольку их права грабить подчиненных обеспечивались всей силой колониального аппарата. Таково было положение, типичное для французских владений. Исключением из него были районы, где сохранялись очень сильные пережитки родо-племенного строя, очень крепкая родо-племенная структура и власть родо-племенной верхушки. В горах Мандара (б. французский Камерун), например, многие народы скрывали своих настоящих вождей, хитростью добиваясь назначения на должности «вождей» лиц ничтожных, за спиной которых орудовала родо-племенная верхушка². Мы почти лишены достоверной информации об этих районах. Другим исключением из правила были некоторые районы древней государственности, где французская администрация сочла возможным отказаться от политики прямого управления и сохранила власть представителей старинных правящих династий. Так было, например, в королевстве Моси, в Верхней Вольте — Вадаугу и Ятенга, в небольших княжествах страны Сонгаи в б. французском Судане, представлявших последние остатки былого расцвета империи Сонгаи, и в некоторых других. В бывших немецких колониях, доставшихся Франции после первой мировой войны, французская администрация также не сочла нужным разрушать государственные образования, сохраненные немцами (ламидаты и султанаты фульбе северного среднего Камеруна, государство Бамум и пр.). Правители этих небольших государств, будучи ответственными перед колониальной администрацией и подчиняясь ей беспрекословно, сохранили наследственную власть над своими владениями — заповедниками средневековья и ничем не сдерживаемой феодальной эксплуатации населения.

Такое положение было характерно для французских владений накануне второй мировой войны. Несмотря на некоторые отклонения от системы прямого управления (закон о туземной администрации 1932 г., создание так называемых комиссий или советов при вождях всех рангов), французские власти в основном опирались на эту систему и на роль вождей-чиновников. Послевоенные реформы, вызванные обострением кризиса колониальной системы, начавшимся распадом ее, были попыткой спасти колониальную империю путем постепенных уступок и расширения прав внутренней автономии отдельных территорий. По суще-

¹ «Guinée, Prelude à l'indépendance», Paris, 1959, стр. 40—42.

² B. L. Ambézat, Kirdi, Paris, 1950, стр. 38—39.

ству эти реформы мало коснулись низового административного аппарата — института «вождей». Вожди-чиновники продолжали оставаться опорой колониального режима, выразителями интересов империалистических хозяев. В то же время по отношению к народу они составляли прослойку угнетателей и эксплуататоров, гнет которых был тем более невыносим и ненавистен, что он не был прикрыт или завуалирован древними традиционными институтами и был откровенно связан с колониальным режимом. Вожди использовали эту связь для феодальной по своим формам эксплуатации крестьянства.

В новой Африке, с ее рождающейся национальной буржуазией, с рабочим классом, с развивающимися капиталистическими отношениями в деревне, вожди-чиновники являются носителями наиболее реакционных общественных отношений. Борьба за независимость здесь тесно переплелась с борьбой против носителей реакционных тенденций — против вождей. Не случайно в Гвинейской республике, первой среди французских колоний получившей независимость, решительный этап борьбы за освобождение начался борьбой за ликвидацию института вождей. Принятый в июле 1957 г. закон о ликвидации института кантональных вождей был первым серьезным ударом по позициям французских империалистов в Гвинее и в то же время (как нам кажется) — завершением очень своеобразной по формам и методам антифеодальной революции.

Английские власти в своих африканских владениях пошли по пути так называемого непрямого, или косвенного, управления. Сущность системы косвенного управления сводится к тому, что англичане поставили себе на службу те общественные и политические институты, которые они застали в покоренных странах. Они повсюду сохранили власть традиционной верхушки африканского общества — правителей государств там, где они сложились, наследственную родо-племенную аристократию там, где государство еще не сложилось. Мы уже говорили, что работорговля и колониальные войны способствовали очень быстрому распаду родо-племенных связей. Поэтому лишь в некоторых районах переход к системе косвенного управления не составлял трудностей (районы государственности главным образом в Нигерии и на б. Золотом Берегу, а также районы, мало затронутые работорговлей и сохранившие крепкий костяк родо-племенной организации, — южных банту, зулу, коса, бечуана и др.). Гораздо чаще колониальной администрации приходилось воссоздавать заново старые связи, «собирая» из осколков «традиционные» объединения, изыскивая представителей родо-племенной наследственной аристократии, которой вручалось управление этими вновь созданными объединениями. Такое положение сложилось, например, в юго-восточной Нигерии у народа ибо и в ряде других мест. Английская администрация при этом преследовала следующие цели: 1) найти социальные слои, которые составили бы прочную опору колониального режима; 2) создать гибкий и дешевый аппарат управления; 3) попытаться не только законсервировать наиболее отсталые общественно-экономические отношения в Африке, но там, где возможно, — повернуть историю вспять, вернуть народы к уже пройденному этапу развития, возродить, оживить родо-племенную организацию.

Проводя в жизнь политику косвенного управления, английские чиновники проявили большую гибкость, избегая шаблонов и везде умея пользоваться местными условиями. В Южной Африке они пошли на воссоздание больших территориальных объединений под властью наследственных вождей (протектораты Бечуаналенд и Свазиленд, резерват Зулуленд и пр.), на возрождение власти старых «династий» вождей зулу, бечуана, матабеле и пр.

В Восточной Африке преобладала тенденция раздробить большие народы (и даже раннегосударственные образования, возникшие в XIX в. в результате борьбы с работорговлей и колонизацией) на ряд мелких

территориальных единиц с учетом традиционных связей и родо-племенной структуры. Так, территория миллионного народа ваньямвези (Танганьика) была разбита на несколько небольших султанатов. Васукума, очень близкие по языку и культуре к ваньямвези (их часто называют эверными ньямвези), насчитывающие также более миллиона человек, сейчас разделены на 47 «chiefdoms», из которых самое большое насчитывает 90 тыс. человек, самое маленькое — 1500³. Страна джагга (район горы Килиманджаро) разделена на 28 маленьких территориальных единиц («княжеств»), население которых колеблется от 1 тыс. до 20 тыс. человек⁴. В Межозерье (на западе Уганды), где издавна существовали государства, англичане не только сохранили их как основные звенья колониального управления, но оставили за их наследственными правителями значительные права в области управления своими территориями, сохранили местные общественные институты и государственные учреждения. Более того, в Уганде (северо-восточные берега оз. Виктория) была проведена земельная реформа, превратившая феодальные условные держания в крупную помещичью собственность и создавшая класс крупных земельных собственников (крупнейший из них — кабака, или король, Буганды).

В Западной Африке — в Нигерии, в Сьерра-Леоне и на Золотом Берегу — всюду англичане использовали «туземные» институты, применяясь к необычайно разнообразным условиям в разных странах.

Как правило, правители африканских государств шли на сговор с английским империализмом, предавая свои народы ради сохранения собственных прерогатив и права эксплуатировать эти народы. Так поступили правители эмиратов хауса Северной Нигерии. К этому же пришли в конце концов (после отчаянных попыток возглавить сопротивление колониальному завоеванию) и правители государств Межозерья. Эти районы — мозаика небольших феодальных государств с характерными для эпохи феодализма формами землевладения и землепользования, феодальными методами и приемами эксплуатации податного населения. Английские власти выступают здесь как ревнители средневековой старины и рутины, а сами правители — как носители феодального уклада, выросшего здесь естественно и уходящего корнями в старину. Власть этих феодалов опирается на силу традиций, на всю совокупность религиозных взглядов (одинаково как у мусульман, так и у приверженцев местных религий), и лишь затем — на мощь колониального аппарата. Влияние их на население огромно.

Африканские феодалы, сохранившие свои привилегии ценой верной лояльности колонизаторам, представляют собой реакционную силу большой важности, которую нельзя сбрасывать со счетов. Большинство их стоит на страже интересов империализма и играет роль тормоза в борьбе народов против колониализма. Наиболее яркий пример этому — поведение правителей эмиратов Северной Нигерии после второй мировой войны. Поэтому в этих странах задачи национально-освободительного движения тесно переплетаются с задачами антифеодального движения. Однако сами африканцы не часто отдают себе отчет в этом. Власть феодальной верхушки не разоблачена до конца в «глазах народа, как это случилось в большей части б. французских колоний.

Гораздо сложнее вопрос о сущности и роли традиционных властей, происходящих из родо-племенной верхушки, в современном африканском обществе английских или бывших английских колоний. Возьмем, например, народ васукума⁵ (английская Восточная Африка) и посмотрим, что он собой представлял с точки зрения общественного развития

³ A. Richards, *East African chiefs*, London, 1960, стр. 240.

⁴ C. Dundas, *Kilimandjaro and its people*, London, 1924, стр. 50.

⁵ Далее следуют материалы из кн.: A. Richards, Указ. соч., стр. 229—255

накануне колонизации. Ко времени колониального раздела васукума продвинулись далеко по пути развития классового общества и становления государственности. Территория васукума была разделена на большое число маленьких территориальных объединений, которые французы часто называют *chêfferies*, а англичане *chiefdoms* (назовем их «княжества»), во главе с наследственным правителем — нтеми. По преданиям, все династии нтеми вели свое происхождение от пришельцев бахима, поселившихся среди васукума, и были связаны одна с другой родственными и брачными отношениями. Никакого единого правительства или политического центра, пусть номинального, не существовало. Каждое «княжество» пользовалось полной автономией. Нам не известно, в какой мере кровнородственные отношения внутри каждого «княжества» уступили место соседским связям. Однако по отношению к соседним «княжествам» каждое из них выступало как маленькое государство.

Нтеми управлял с помощью группы своих родственников — знати (бананг'ома). Эта знать не была связана кровнородственными отношениями с народом. Она стояла над ним и использовала свое положение для эксплуатации народа. Состав ее определялся материнскими нормами наследования власти — братья правителя, двоюродные братья со стороны матери, братья матери, — и включал потенциальных претендентов на пост правителя. Власть знати была тем более велика, что она определяла наследника в период междуцарствия. Но когда наследник был уже утвержден в правах, положение его ничем не напоминало положение выборного вождя племени. Его власть очень часто принимала оттенок деспотизма, тем более, что нтеми был одновременно и верховным жрецом, а личность его была окружена ореолом почитания. Власть нтеми опиралась на личную гвардию из лучших воинов. В его руках была высшая юрисдикция и только он один мог осудить на смерть и конфискацию имущества. Население было обязано платить ему ежегодный налог скотом, зерном и др., а также нести отработочные повинности и выплачивать разные случайные поборы.

Сказанного достаточно, чтобы сделать вывод о том, что ко времени колониального раздела у васукума шел интенсивный процесс развития феодальных отношений, центральной фигурой которых был нтеми. Существование сильных пережитков родо-племенного строя, живучесть кровнородственных отношений среди простого народа, с одной стороны, и среди знати — с другой, не могут скрыть чисто феодального характера власти нтеми, его верховной власти над всей землей и над личностью свободного еще крестьянина. Нтеми совсем не «вождь» своего народа, он — правитель, глава политической власти, стоящей над народом.

Что произошло с нтеми после установления колониального режима? Окончательно права и положение нтеми были определены «Native Authority Ordinance» в 1927 г., согласно которому каждый нтеми получал право осуществлять административную власть, издавать на своей территории распоряжения по поддержанию порядка, охране собственности и пр. Он сохранял известную долю судебных прав, ему были подсудны дела о разводах, наследовании, мелких кражах и правах на выпас скота. Несмотря на то, что по закону 1927 г. должность нтеми объявлена выборной, по существу сохранился прежний порядок ее замещения. Претендента выдвигает знать (бананг'ома), затем народ «выбирает» этого претендента. Результаты этих «выборов» утверждает английский губернатор. Он же один вправе сместить нтеми. Как правило, должность нтеми — пожизненная. Нтеми управляет своей территорией, опираясь на «помощников вождя» (должность, созданная колониальной администрацией) и деревенского старосту, управлявшего деревней или группой близстоящих поселений. Деревенский староста, как правило, — наследственный держатель должности, а во многих «княжествах» он принадлежит к числу родичей правящей династии. В своей деревне он — полновластный

хозяин, он проводит распоряжения и теми и высшей администрации, собирает налоги, мобилизует население на строительство новых дамб и дорог. Он сохранил в неизмеримо большей степени, чем и теми, право фактического распоряжения деревенскими землями: он распределяет новые земли и выделяет участки пришельцам со стороны.

Таким образом, англичане оставили у власти правящий слой старой знати васукума. Они расширили власть и теми, наделив его законодательными правами, хотя и очень ограниченными. Раньше и теми, обладая огромной исполнительной властью, не мог перейти границ обычного права, регулировавшего жизнь отдельного человека и общества до мелочей. Теперь, обладая довольно значительной исполнительной властью по отношению к подчиненным, и теми получает право издавать собственные распоряжения. Он сохранил часть судебной власти. В его руках — значительный административный аппарат, подчиняющийся непосредственно ему. Кроме того, власть и теми опирается на всю мощь английского колониального аппарата. Какими бы ничтожными ни были его роль и положение по отношению к английским властям, по отношению к своим «подданным» он обладает по закону колонии большой властью, дающей возможность эксплуатации населения. Этот закон дополняется всей совокупностью неписаных законов — нормами обычного права, силой освященных веками традиций, крепостью родственных уз и обязательств. Не будучи юридически собственником (владельцем) земли своего «княжества», и теми обладает такой властью, которая позволяет ему — непосредственно и через каждого деревенского старосту — распоряжаться земельными массивами. Результатом всего этого является широкое распространение производственных отношений, которые мы с полным правом можем назвать скорее феодальными, чем феодально-патриархальными.

Васукума — пример, очень характерный для всей английской Восточной Африки, многие народы которой уже встали на путь становления классового общества и государственности до прихода европейцев.

Средняя полоса Судана считается одним из наиболее отсталых районов по уровню общественного развития населяющих его небольших народов. Рассмотрим для примера так называемое «племя» менде, населяющее внутренние районы Сьерра-Леоне⁶.

Вместе с близкими им группами менде насчитывали около 600 тыс. человек. В соответствии с указами о создании туземных властей, менде были разделены на 67 племен, во главе каждого был поставлен верховный вождь (paramount chief). Первоначально страну населяли группы охотников, постепенно оседавших в лесах и основывавших постоянные поселения. Предки менде пришли в страну как завоеватели, осели в этих поселениях и основали новые, смешавшись с первоначальным населением. Поселение, основанное группой сородичей, постепенно разрасталось, принимало к себе беженцев, инородные семьи и включало в свой состав группы рабов. Рост населения приводил к выделению новых деревень, зависевших от первой. Военный вождь, основатель поселения, опираясь на военные отряды и личную гвардию, осуществлял власть над всей деревенской округой, лежавшей вокруг первоначального поселения (родка, укрепленного частоколом). Укрепленные деревни служили своего рода аванпостами и сторожевыми пунктами для вождя, обосновавшегося в городе. Первоначальные функции вождя, заключавшиеся в военной защите своего народа и земли, в арбитраже при возникновении споров, постепенно трансформировались в функции государственной власти. В результате мирных взаимоотношений, дружественных соглашений и военного завоевания шло постепенное укрупнение территорий, управ-

⁶ Характеристика общественной организации менде дается по материалам монографии: K. L. Little, *The Mende of Sierra-Leone*, London, 1951.

ляемых верховными вождями. Эти зачаточные территориальные образования легли в основу тех объединений, на которые англичане разделили Менделенд и которые некоторые авторы называют «племенами», а Литтл — «chiefdoms».

Что представляли собой эти объединения и власть верховных вождей накануне установления английского господства? По традиции пост правителя (вождя) рассматривался как «владение», передающееся по наследству по мужской линии в потомстве основателя поселения. Все важнейшие должности — «спикера» (посредника), правителей «районов», на которые делилась территория (sub-chiefs), деревенских старост и пр., — как правило, передавались по наследству в пределах группы потомков первооснователя. Эта группа составляла аристократию, и ее высокое положение закреплялось нормами землевладения и землепользования. Потомки основателей «chiefdom» (назовем это объединение словом «княжество») имели право наследственного владения землей. Верховный «вождь» считался верховным владельцем всей земли «княжества», имел право использовать любой незанятый участок под посев, под застройку для посадки деревьев. Он один имел право временно передать участок земли постороннему лицу. Остальное население, не связанное отношениями кровного родства с группой потомков основателей «княжества» («аристократия»), т. е. принадлежащее к числу потомков чужеродных семей нашедших в разное время убежище на территории «княжества», и в некоторых случаях — к потомкам рабов и военнопленных, посаженных на землю, имело право держания, право личного пользования выделенными земельными участками.

Помимо прав на землю, «верховный вождь» имел право суда над населением «княжества», принимал иностранцев и нес расходы, связанные с гостеприимством. Он считался главой тайного союза Поро и возглавлял различные церемонии, связанные с культом предков. Население было обязано в качестве повинности в его пользу обрабатывать его поля, поддерживать в порядке усадьбу, строить новые жилища и выполнять другие работы. Каждая большая семья (маве) отдавала часть урожая и приготовленного пальмового масла в качестве постоянной натуральной подати. Значительную статью дохода составляли пошлины, штрафы, которые «вождь» собирал как глава судебной власти. Сбор податей и надзор за выполнением повинностей осуществлялись через иерархию нижестоящих должностных лиц (sub-chiefs — вожди районов, деревенские старосты). Все эти должностные лица имели право на долю отработочной повинности и на часть натуральных податей, а если принимали участие в судебных разбирательствах — на часть судебных доходов. Все должности были наследственными в потомстве родственной группы основавшей «княжество».

Власть «верховного вождя» и всех представителей должностной иерархии опиралась на тайный союз Поро, главарями которого они являлись. Деятельность Поро тесно связана с культом предков и окутаны плотным покровом таинственности. Функции Поро значительно изменяются в период перехода от бесклассового общества к классовому. Тайное общество выступает как орудие господства наследственной родо-племенной верхушки, как орудие подавления протеста соплеменников. Эта роль Поро (как любого тайного союза) выступает все более ярко по мере нарастания имущественного неравенства и противоречий внутри племени. Тайный союз продолжает существовать и тогда, когда государство уже сложилось (у йоруба, например). Тем более велика его роль в процессе становления и укрепления государственности, который происходил у менде. Тайный союз Поро был, по существу, единственной организацией, объединявшей аристократию всех небольших «княжеств» менде и побуждавшей в некоторых случаях всех менде выступать как единый народ.

Власть «верховного вождя» была ограничена его личным советом, состоявшим из его приближенных, друзей и некоторых должностных лиц (например, «спикера»), и советом «княжества», включавшим всех должностных лиц, но очень редко созывавшимся. В советы при sub-chiefs входили все деревенские старосты, а также «вожди» кувуе — родственных объединений, основанных на кровном родстве по мужской линии. Даже в прошлом это уже не род, а скорее сегмент, осколок рода. С течением времени состав его усложняется за счет включения чужеродных элементов. Накануне колонизации кувуе представляло собой сложное объединение, господствующее ядро которого действительно состояло в кровнородственных отношениях. Именно этому ядру родственников по мужской линии, происходящих от предка-основателя, принадлежало наследственное право на землю и господствующее положение в кувуе. Кроме того, в его состав входили другие родственные группы, связанные с основным ядром брачными узами. Кувуе занимало отдельный квартал в городе. Англичане переводят это слово термином compound «огороженное поселение», подчеркивая этим сложность состава, связь его членов с определенной территорией и преобладание внутри кувуе территориальных связей над родственными.

Такова организация народа менде, который принято считать одним из самых отсталых в Западном Судане. Даже такое суммарное описание свидетельствует о том, что при всей живучести некоторых форм организации, свойственных родо-племенному обществу, менде, как и васукума Восточной Африки, еще до колонизации создали небольшие государственные (а не племенные) объединения; в этом нашел выражение начавшийся уже процесс распада общества на классы, четкие границы которых, однако, затушеваны остатками кровнородственных отношений. Описанная организация менде была положена англичанами в основу системы туземной администрации Менделенда, которая в главном была аналогична административной системе васукума. Характерно, что и здесь, поставив «верховных вождей» под контроль высших колониальных властей, англичане законодательно усилили государственный характер власти вождей, предоставив им некоторое подобие законодательных функций (право издавать распоряжения, указы и пр.) и подтвердив их владельческие права на землю, в противоположность остальному населению, за которым признаны лишь права держания.

После второй мировой войны повсюду в африканских колониях англичане пошли по пути сокращения прерогатив «туземных властей» (лишение их судебной власти и ряда других привилегий) и постепенной замены их органами коллегиальными, в той или иной степени выборными (советами, комиссиями). Причина этих изменений лежит в тех больших переменах, которые произошли в самом африканском обществе. Возникновение рабочего класса и африканской буржуазии, африканской интеллигенции, бурное развитие национально-освободительного движения, непрерывные требования этих новых общественных сил ограничить произвол феодальной и полуфеодальной верхушки — все это заставило колониальные власти пойти на пересмотр политики полной и безоговорочной опоры на туземные традиционные власти.

Бельгийцы в своих африканских владениях до недавнего времени придерживались политики сочетания методов прямого и непрямого управления. Вся территория б. Бельгийского Конго была разделена на шесть провинций с губернаторами во главе; каждая из них делилась на дистрикты, управляемые комиссарами дистриктов; дистрикты разделены на территории с территориальными администраторами во главе. Такова лестница европейских колониальных властей. Весь низовой аппарат управления целиком формировался из представителей традиционных африканских властей. В этих целях «территории» делились на «туземные округа» — chefferies во главе с туземными властями. В основе выделения

«туземных округов» лежал принцип сохранения старинных объединений — в рамках племени или небольших государственных образований. Признанные правительством «вожди» были наделены чисто административными функциями. Это — так называемые «вожди, отмеченные медалями» (*chefs médaillés*). Наряду с ними сохранилась прослойка властей традиционных — *chefs coutumiers*. Эти вожди продолжали пользоваться большой властью над народом. Именно им принадлежало право распоряжаться землей. Не всегда вожди, поставленные бельгийцами, и традиционные вожди противостояли друг другу, составляя как бы двойной ряд «туземных властей». В районах древней государственности (куба) или в тех районах, где сохранился костяк родо-племенной организации, колониальная администрация очень часто официально признавала наследственные традиционные власти. Двойной ряд вождей был создан там, где распад государства вследствие междоусобий и интриг европейцев привело к распаду политических связей еще до колониального раздела (баконго), либо там, где работорговля, разрушив стройную систему родо-племенного общества, помешала возникновению больших политических объединений. Сущность и роль вождей как носителей феодального уклада и в бельгийских владениях не вызывает сомнения. Более того, систематически подкупая вождей, ставя их высоко над народом, отдавая в их руки значительную власть, натравливая одни народы на другие, бельгийцы создали очень прочный, гибкий и преданный низовой аппарат управления. Сила власти прослойки вождей была одной из причин, тормозившей развитие национально-освободительного движения в Конго, одной из причин того, что народы Конго с большим запозданием вступили на путь борьбы за независимость.

Подводя итоги всему сказанному, следует отметить:

1. Ко времени империалистического раздела Африки значительная часть народов континента жила в условиях классового (по-видимому, феодального) общества, развивавшегося здесь с глубокой древности.

2. Та часть Африки, которую населяют отставшие в своем развитии народы, к концу XIX в. также ушла далеко от первобытно-общинного строя. Уровень общественного развития многих из них (а может быть, большинства) можно было бы определить как феодально-патриархальный.

3. Европейцы, разделив Африку, попытались найти социальную опору в африканском обществе. Такой опорой мог стать и стал господствующий слой этого общества — правители государств и небольших территориальных объединений («племен»). И тех, и других колониальная администрация окрестила названием «вожди».

4. Специфические особенности различных систем колониального управления оказали существенное влияние на формы власти этого слоя общества. Сущность же процессов общественного развития осталась неизменной — она заключалась в усилении, укреплении феодального уклада, вызванном сознательной политикой колониальных властей, которые опирались на самые архаические институты, на носителей наиболее отсталых, консервативных отношений в африканском обществе.

5. Развитие капиталистических отношений, формирование рабочего класса, национальной буржуазии и интеллигенции не могут не натолкнуться на упорное сопротивление этой феодальной и феодально-патриархальной верхушки.

6. Характерной особенностью современного момента является то, что борьба африканских народов с собственной феодальной и феодально-патриархальной верхушкой неизбежно переплетается с борьбой за освобождение из-под империалистического ига.

SUMMARY

The present article (published for discussion) deals with one of the pertinent problems of present-day African life — that of the role and social essence of traditional tribal authorities («chiefs») among the African peoples. Basing himself on data extant about several major medieval state formations in Africa, the author maintains that on vast territories of the African continent, the primitive-communal system was superseded by a class society at an early period. The more advanced peoples, who had reached statehood, were in the stage of rising feudalism; those whose social development was relatively retarded, were nevertheless a long way from the primitive-communal system, and towards the close of the 19th century lived in a society which the author defines as feudal-patriarchal.

The basis of the colonial domination of the Europeans in African society was its ruling group — the rulers of states and territorial unions, whom the Europeans called «chiefs». Under the colonial regime this social group has invariably been the bearer of the feudal mode of life, the keeper of the most conservative and archaic elements in African relations and institutions.

The development of capitalist relations and the formation of bourgeois classes among the African people encounters bitter resistance on the part of this feudal and feudal-patriarchal group.

In our time, when the peoples of Africa are fighting for independence and elimination of colonial bondage, this struggle is of necessity intertwined with the internal struggle against the feudal group of African society.
